

На правах рукописи

Барашкина Елена Александровна

**Метафоризация как способ языковой номинации
компонентов ментальной сферы**

10.02.01 – русский язык

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Самара – 2007

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Самарский государственный университет»

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор
Скобликова Елена Сергеевна

Официальные оппоненты - доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Венера Латыповна

кандидат филологических наук, доцент
Лисовицкая Лариса Евгеньевна

Ведущая организация - ГОУ ВПО «Ульяновский
государственный педагогический
университет»

Защита состоится 14 февраля 2008 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.218.07 при ГОУ ВПО «Самарский государственный университет» по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Самарский государственный университет».

Автореферат разослан «___» января 2008 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Карпенко Г.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию системы метафорических моделей, репрезентирующих ментальную семантику в современном русском языке.

Несмотря на то, что ментальные концепты активно исследуются в современной лингвистике (см. работы О.Ю.Богуславской, В.Г.Гака, И.М.Кобозевой, М.П.Одинцовой, М.В.Пименовой, Е.В.Урысон и мн.др.), комплексное системное описание всех возможных средств метафорической номинации рассматриваемой сферы отсутствует. Вместе с тем ментальная сфера относится к тем денотатам, которые в силу своей абстрактности получают в языке преимущественно метафорическое выражение. Понятия, действия и объекты ментальной сферы ассоциируются в сознании носителя русского языка с предметами, их свойствами и действиями из других областей действительности. Метафоризация в данном случае выступает как механизм постижения и образной интерпретации непредметной сущности.

Соответственно, **актуальность** работы определяется, во-первых, необходимостью комплексного описания средств метафорической репрезентации ментальных феноменов, во-вторых, стремлением выявить специфику языковой картины внутреннего мира человека через анализ образно-ассоциативного способа его языковой объективации.

Объект исследования — метафорические выражения, включающие абстрактные субстантивы с ментальной семантикой и их предикативное (в широком смысле) метафорическое окружение (*мысль пришла, ворвалась, схватить мысль, короткий ум, низкие мысли* и под.).

Предметом исследования являются способы образной репрезентации ментальных феноменов в русской языковой картине мира.

Цель работы заключается в комплексном описании ментального метафорического поля в русской языковой картине мира.

Для достижения поставленной цели необходимо решение ряда конкретных задач.

1. Определение особенностей лексико-семантического поля ментальности в русском языке.
2. Выявление метафорических моделей, репрезентирующих ментальную семантику в русской языковой картине мира.
3. Описание лексико-семантической структуры наиболее продуктивных метафорических моделей и анализ механизма варьирования ассоциативных связей.
4. Определение семантической специализации и особенностей функционирования метафорических моделей.
5. Выявление системообразующих связей в сфере исследуемой метафорической номинации.

Методологической основой работы является сочетание когнитивного и лексикологического подходов к анализу языкового материала. Когнитивный

подход к языку подразумевает анализ языковых фактов в их связи с организацией когнитивной системы. По мнению многих сторонников этого подхода, главную роль в речемыслительных процессах человека играет аналогия как перенос знаний из одной содержательной области в другую. С этой точки зрения метафора является отображением аналоговых процессов человеческого мышления.

Значимой особенностью предлагаемого исследования является привлечение максимально широкого круга метафорических выражений с ментальной семантикой. Анализу подвергаются как узуальные метафоры (ядро метафорических моделей), так и метафоры окказиональные, как живые, образные метафоры, так и метафоры генетические. Мы исходим из того, что в основе общего метафорического фонда лежат единые когнитивные процессы. Учет всех типов ментальных метафор обеспечивает условия для выявления полной, объективной картины метафорообразования в рамках рассматриваемой сферы.

В ходе исследования использовались методы контекстуального анализа при выявлении специфики лексики, входящей в состав описываемых конструкций; компонентного анализа, позволившего охарактеризовать закономерности метафорических переносов; элементы количественного анализа.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка с возможной полнотой выявить весь комплекс метафорических средств моделирования ментальной сферы и определить ключевые для вербализации рассматриваемой сферы метафорические модели. При этом пространственная и перцептивная модели описываются в аспектах их ассоциативного и лексико-семантического варьирования и системообразующих связей.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку проблем метафорического моделирования. Работа расширяет представления о русской языковой картине мира, о закономерностях речемыслительных процессов человека.

Практическим результатом исследования является возможность расширить аспекты системного рассмотрения лексики в общих курсах современного русского языка и стилистики, в лингвистических спецкурсах и спецсеминарах. Материалы работы могут использоваться в лексикографической практике.

Источниками исследования послужили фрагменты метафорических контекстов, полученные методом сплошной выборки из художественных, публицистических и научных произведений, а также материалы Национального корпуса русского языка. Анализ осуществлялся с учетом данных специализированных словарей и справочников. Общее количество материала в нашей картотеке составляет около четырех тысяч текстовых примеров.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В русском языке сформировалось и функционирует устойчивое метафорическое поле, характеризующее ментальную сферу, что обусловлено функциями метафоры: моделирующей, гносеологической (когнитивной), оценочной. Будучи механизмом языкового мышления, метафора является продуктивным способом репрезентации в языке онтологических свойств ментальных феноменов.

2. Метафорическая модель как единица систематизации и описания материала позволяет раскрыть системность в образовании переносных значений, обнаружить онтологическое единство генетических, узуальных и окказиональных метафор. Возможность создания и понимания творческих авторских метафор обеспечивается теми же когнитивными механизмами, что стоят за стереотипными, воспроизводимыми метафорами.

3. Ядро ментального метафорического поля формируется пространственными и перцептивными моделями. Метафорические конструкции, реализующие названные модели, отличаются частотностью употребления и широким диапазоном лексико-семантического варьирования и варьирования ассоциативных связей.

4. Устойчивость функционирования метафорического поля обеспечивается системностью как в организации конкретной метафорической модели, так и поля в целом.

5. Метафорическая лексика во многом сохраняет системность парадигматических отношений соответствующих слов, выступающих в своих первичных значениях.

6. Наряду с парадигматической корреляцией для метафорических моделей характерно синтагматическое взаимодействие в условиях конкретного речевого употребления.

Апробация работы. Результаты настоящей работы были отражены в докладах на конференциях разных уровней. Среди них: ежегодные научные конференции преподавателей Самарского государственного университета (1994-2007); зональная научная конференция кафедр русского языка Среднего и Нижнего Поволжья «Семантические и структурные аспекты языка и их изучение в вузе и школе. Гвоздевские чтения» (1994, Ульяновск); международная научная конференция «Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики» (1995, Екатеринбург); всероссийская научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Д.И.Алексеева «Актуальные проблемы русистики» (1998, Самара); всероссийская научная конференция «Языковая система – текст – дискурс: Категории и аспекты исследования» (2003, Самара); региональная научная конференция «Функционирование языка: категории и методы исследования» (2006, Самара); международная научная конференция «Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы» (2007, Самара).

Основные положения и выводы исследования отражены в 12 публикациях.

Структура работы определена её задачами и спецификой самого материала. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и научной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы; определяется материал исследования; формулируются цель и задачи работы; раскрывается научная новизна; характеризуется теоретическая и практическая значимость работы; излагаются положения, выносимые на защиту.

В **главе первой «Мышление как объект языковой номинации»** характеризуется специфика ментальной сферы как абстрактного денотата и очерчивается структура лексико-семантического поля ментальности в современном русском языке; рассматриваются функции метафоры в процессе номинации абстрактных понятий; характеризуется метафорическая модель как единица систематизации и описания фактического материала; дается обзор выявленных в результате проведенного анализа метафорических моделей, репрезентирующих ментальную сферу в русской языковой картине мира.

Ментальная сфера относится к наиболее важным и сложно устроенным системам внутреннего мира человека. При этом она недоступна чувственному постижению, лишена, по выражению Дж.Лакоффа, собственных доконцептуальных структур (образов), что и обуславливает активную роль когнитивного типа метафоры в формировании лексического поля ментальности. Когнитивная метафора - это речемыслительный механизм, позволяющий абстрактную сферу представлять через другую, более конкретную сферу, другими словами, это способ думать об одной содержательной области посредством понятий о другой области, уже освоенной человеком. Для характеристики такой единицы лингвисты используют термины «когнитивная метафора» (Н.Д.Арутюнова), «концептуальная метафора» (В.Н.Телия, Е.О.Опарина), «базисная метафора» (Дж.Лакофф, М.Джонсон), «метафорическая модель» (А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов, А.П.Чудинов, Н.А.Илюхина), «образ-схема» (Дж.Лакофф), «модель регулярной многозначности» (Ю.Д.Апресян), «метафорическое поле» (Г.Н.Скляревская), «образная парадигма» (Н.В.Павлович), «ассоциативно-образное лексико-семантическое поле» (Е.А.Юрина).

В реферируемой работе анализируются метафорические контексты, в которые входят субстантивы, называющие ментальные способности, состояния, действия (*ум, память, размышление, мысль, сомнение* и под.) и разнообразные элементы их синтагматического окружения. Например: *Осип Варламыш без образования, но дальнего ума человек* (А.П. Чехов); *Казалось, мысль его идет не имеющим законы зигзагом* (В.Гроссман); *Заснул и дедушка, нить любимых послеобеденных мыслей о блестящем церковном будущем Сергея, тянувшаяся в его голове, оборвалась* (А.Куприн); *Изгибы и повороты*

твоей мысли причудливы и непредсказуемы (В.Токарева); Что-то очень многое промелькнуло в голове, но все туманно, путано, обрывисто, и ухватить мысль он не смог (Ю. Домбровский); Мысли не безразлична ее словесная плоть. И если ей по какой бы то ни было причине придается рядиться в корявую или лукавую словесную плоть, то и рождается она как мысль-инвалид (А. Сурмава); Если человек утомлен, то даже если к нему приходят мысли, то они тут же разбегаются в разные стороны (Л.Выготский).

Метафорический контекст формирует у абстрактных субстантивов так называемую «вещную коннотацию» (В.А.Успенский), т.е. способность слова иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет. Это связано, по мнению многих ученых, с механизмами хранения лексической информации. Так, В.А.Успенский полагает, что лексические значения конкретных существительных если и не хранятся непосредственно в виде чувственных образов, то тесно связаны с такими образами. Он выдвигает предположение о том, что этот механизм является универсальным и распространяется в том числе и на абстрактные существительные, которые оказываются связанными в языковом сознании со своими чувственными восприятиями в форме «вещных коннотаций». Фактически то, что В.А. Успенский называет «вещной коннотацией», является метафорическим концептом, о котором говорят Дж.Лакофф и М.Джонсон. Метафоризация оказывается процессом, моделирующим наше понимание абстракций, формирующим и выражающим понятия. Метафора как иконический знак позволяет использовать сенсорные ассоциации при формировании значения, соединить абстрактность передаваемого смысла с его умоглядной наглядностью, она становится языком «визуализации» абстракций. В метафорически организованной мысли происходит взаимодействие понятийно-логического мышления с мышлением наглядно-образным.

Единицей систематизации и описания фактического материала в реферируемой работе является метафорическая модель, под которой понимается регулярное языковое выражение рассматриваемого денотата (сферы ментальности) через термины другой сферы. Метафорическая модель, или своеобразный образный комплекс (Н.А.Илюхина), формируется на основе ассоциативного сближения слов разной частеречной принадлежности, характеризующихся определенной общностью их денотативной отнесенности.

В результате исследования были выявлены метафорические модели, позволяющие “зримо” представить разнообразные сущностные характеристики ментальной сферы. Среди них модели: пространственная (*направление мысли, широкий кругозор, короткая память, пришла идея, приблизиться к пониманию и под*); перцептивная (*мысленный взгляд, видеть смысл, светлый ум, прислушаться к голосу разума и под.*); инструментальная (*приложить ум, раскинуть, охватить умом; ломать голову, напрягать память и др.*);

«техническая» (механизмы сознания, включиться в размышления и под.); метафорические модели растения и организма (прививать идеи, посеять сомнения, зреет мысль, родилась идея, в голове живет мысль и под.) и некоторые другие.

Подобный анализ (от денотата к образным моделям, ассоциативно его интерпретирующим) позволил сопоставить роль и возможности разных метафорических моделей в характеристике денотата и его оценке, а также проследить системные связи, возникающие между образными комплексами.

Как показало исследование, базовыми метафорическими моделями, репрезентирующими ментальную сферу в русской языковой картине мира, являются пространственная и перцептивная модели.

1. Пространственная и перцептивная модели при метафорической репрезентации ментальной сферы демонстрируют широкий диапазон лексического варьирования. В нашем материале зафиксировано более 200 лексем пространственной семантики и более 260 лексем перцептивной семантики, использующихся в функции ментальных предикатов.

2. Метафорическая модель является принципиально открытой лексико-семантической парадигмой, функционирование которой определяется, в терминологии Н.А.Илюхиной, центростремительной и центробежной тенденцией. Центробежная тенденция, проявляющаяся в разностороннем варьировании и свидетельствующая о креативных возможностях метафоры, наиболее активно реализуется в пространственных и перцептивных моделях. Именно в рамках этих моделей, как показывает наше исследование, чаще возникают живые, нестандартные, индивидуально-авторские метафоры. Например: *Кудасов так устаёт от слов на службе, что за столом становится совершенно безвредным — молчит и молчит, лишь иногда кое-что уточняет, чтобы чья-нибудь шальная мысль не забежала сгоряча слишком далеко и уж ни в коем случае не свернула за угол* (В.Орлов); *Тревожное чувство стало сильнее, ей показалось, что дверь, ведущая в подвалы подсознания и кладовую памяти, стала медленно приоткрываться, шире, шире, ещё шире, вот сейчас в темное помещение хлынет поток света...* (П. Дашкова); *Я начал читать повесть слепым, закончил зрячим, словно катаракту вырезали* (В.Орлов); *Постараюсь ослепнуть умом, хоть на каникулы, и быть счастливым! Только ощущать жизнь, а не смотреть в нее, или смотреть затем только, чтобы срисовать сюжеты, не дотрагиваясь до них разведающим, как укус, анализом.* (И.Гончаров).

3. Пространственная и перцептивная метафорические модели наиболее отчетливо и последовательно реализуют моделирующую и концептуальную функции, так как позволяют структурировать сферу денотата и разносторонне охарактеризовать её компоненты. В основе метафорического моделирования интеллектуальных процессов и состояний лежит экстериоризация ментальных компонентов (мыслей, воспоминаний и т.д.), т.е. представление их в качестве квазисамостоятельных сущностей. Это позволяет варьировать репрезентацию

ментальной деятельности в аспекте субъектно-объектных отношений (*мысль пришла в голову – я пришел к мысли; обожгла мысль – погасить мысль; уяснить мысль – мысль осветила сознание; схватить мысль – потерять мысль* и т.д.).

4. Пространственные и перцептивные метафоры характеризуются семантической емкостью и стилистическим разнообразием, в то время как остальные метафорические модели чаще всего демонстрируют семантико-стилистическую специализацию. Например, метафорическая модель ресурса, представленная в русском языке частотными конструкциями *набраться ума, (не) хватает ума, занять ума*, функционирует в рамках разговорного стиля и характеризует степень интеллектуальных способностей человека. Фитоморфная метафорическая модель, в основе которой лежит образ развивающегося растения, оказывается приспособленной для передачи значения "оказывать интеллектуальное воздействие". См. типичные контексты: *прививать идеи, заронить сомнение, посеять сомнение, идея пустила корни* и под.

Ключевую ролью пространственных и перцептивных метафор в репрезентации ментальной сферы объясняется их рассмотрение в отдельных главах.

Во второй главе «**Метафорические модели на основе пространственных представлений**» выявляются типы ассоциативных связей в рамках пространственного образного комплекса; описываются разновидности метафорических моделей (модели движения; модели пространственной организации и ориентации) в аспекте их лексико-семантического варьирования; анализируются функции пространственных метафорических моделей.

Проведенный анализ показал, что *метафорическая концептуализация мыслительной деятельности как движения* относится к ключевым способам языковой объективации этого абстрактного денотата. Для описания процесса мышления в языке детально разработана метафора пространства, движения, пути: *мысль пришла, ворвалась, закралась, скачет; мысли кружатся, несутся, бродят, ползут; добираться до смысла, остановиться на мысли, подводить, подталкивать к мысли, прийти к мысли, склоняться к мысли, далек от мысли, вернуться к идее, направление мышления, научный подход* и т.д.

Продуктивность рассматриваемой метафорической модели объясняется, на наш взгляд, яркостью, зримостью эмпирического образа и четкой структурированностью сферы-источника. В процессе метафоризации когнитивные структуры пространственной сферы (топологические схемы) переносятся в ментальную сферу.

Проведенный анализ показал, что метафорическая интерпретация компонентов ментальной сферы осуществляется на основе следующих ассоциативных связей:

1. Субъект перемещения / локализации

человек

мысль

(я набрел на мысль, пришел к выводу)

(в голову лезла мысль, пришла идея)

2. Перемещение / локализация

ментальный процесс / состояние

(погружаться в воспоминания, мысли скачут, ход мысли)

3. Локальный определитель

Человек

(обозначенный прямо или метонимически)

(ко мне / мне пришла в голову / на ум мысль)

Содержание \ тема
мыслительной
деятельности

(мысли вертелись
вокруг хлеба)

Мысль

(погружаться в мысль)

Менее регулярной и четко определенной является ассоциативная связь путь / направление движения → тип / стиль мыслительной деятельности. Например, в рамках этой ассоциации мыслительный акт может характеризоваться с точки зрения его оригинальности или шаблонности, привычности: *Мысль в эти часы бежит очень прихотливо, нехоженными тропами* (А.Куприн).

Варьирование указанных ассоциативных связей определяет основные параметры метафорообразования в рамках рассматриваемой метафорической модели. В работе подробно рассматриваются функции компонентов пространственной ситуации при метафорической характеристике ментальной сферы.

Отметим, что внутри пространственного образного комплекса могут быть противопоставлены два типа метафорических конструкций, различающиеся ассоциативными связями и прежде всего тем, что ассоциируется с субъектом движения и расположения в пространстве – человек или экстериоризированный мыслительный конструкт. Ср.:

Мысль пришла в голову
Мысль засела в голове
Мысль вылетела из головы

Я пришел к мысли
Я держал в голове мысль
Я выкинул мысль из головы

Первая метафорическая модель характеризует “пространственное состояние” мыслительных конструктов как “самостоятельных сущностей”, вторая модель метафорически представляет интеллектуальную деятельность как положение субъекта в “мыслительном пространстве. Эти конструкции калькируют структуры выражения пространственных отношений, благодаря чему синтаксический контур модели выступает как своеобразная призма, сквозь которую воспринимается переносное значение.

Интересно сравнить две базовые, наиболее частотные, уже фразеологизированные метафорические конструкции: *Мысль пришла в голову* и *Я пришел к мысли*. Анализ их контекстуального употребления позволяет сделать вывод о различной семантической структуре глагола *прийти*, о его различных парадигматических и синтагматических связях в составе первой и второй метафорических моделей.

В рамках конструкции *Мысль пришла в голову* в семантической структуре глагола *прийти* нейтрализуются признаки «предшествующее перемещение», «окончание перемещения». Более того, на базе сем «появление», «здесь» формируется значение «возникновение мысли, начало мыслительной деятельности», т.е. прямое, пространственное значение глагола *прийти* оказывается антонимичным производному значению.

В составе конструкции *Я пришел к мысли* предикат актуализирует признаки «предшествующее перемещение», «достижение цели» и обозначает итог размышлений (что нередко эксплицируется и в контексте: *я долго шел к этой мысли; после долгих блужданий я пришел к выводу*).

Таким образом, конструкции *Я пришел к мысли* и *Мысль пришла в голову* оказываются своеобразно противопоставленными друг другу.

Возможности детальной характеристики ментальной деятельности расширяются за счет разнообразного наполнения глагольной позиции. Наша картотека включает более 50 глаголов движения и локализации, регулярно используемых в функции ментальных предикатов: *являться, посещать, приходиться, лезть, врываться, закрадываться, метаться, носиться, гулять, бродить, вращаться* и т.д.

Семантическая структура глаголов движения оказывается удивительно приспособленной для передачи разнообразных ментальных значений. В зависимости от употребления того или иного глагола движение акцентируется определенный аспект ситуации-денотата. Очертим основные контуры лексико-семантического варьирования.

1. Для семантического переноса в рассматриваемой сфере релевантным оказывается представление о движении как одной из самых многообразных по своему проявлению форм существования материи. В связи с этим при употреблении глаголов движения в функции ментальных предикатов актуализируются такие смыслы, как «существование», «функционирование», «акциональность». Например: *Но мысль не остановить: криво ли, спиралью ли, заячьими ли скидками она идет, движется, и, если заостенела, — пробуждение ее болезненно, ужасно* (Известия, 2002.11.29).

Отметим, что семантика статичности, эксплицируемая глаголами статического положения и синонимическими им в сочетании с отрицательной частицей глаголами движения (*мысль сидит в голове, застряла, не выходит, не покидает* и под.), объективирует смысл «бытийность, существование» без указания на развитие.

2. При употреблении глаголов движения в функции ментальных предикатов происходит актуализация ассоциативных представлений о характере движения в различных средах. Перемещение в воздушном пространстве воспринимается как более быстрое и легкое по сравнению с перемещением в других сферах, поэтому во вторичном ментальном значении соответствующие глаголы и их производные актуализируют семантические признаки «стремительные», «легко». Глаголы перемещения в водной среде реализуют признаки «плавно», «медленно». Например: *Он писал свое новое стихотворение и, очевидно, сам чувствовал, что получится произведение и новаторское, и масштабное по содержанию, и программное по значению — таким стремительным был полет мысли* (В. Некрасов); *Мысли плывут, как река, медленно и спокойно* (К. Серафимов).

3. Направленное поступательное движение осмысливается как изменение положения в пространстве и во времени и противопоставляется всем иным видам движения на основании актуализированного семантического признака «развитие». Поэтому глаголы направленного движения при характеристике ментальной деятельности включают признак «логическое развитие». Мыслительный процесс представляется как линейный и направленный: *научный подход, исходить (из чего), выводить (что), добираться до смысла* и т.д.

Мышление может быть метафорически представлено как имеющее пространственные ориентиры: определенный маршрут, исходную и конечную точки пути – эти семантические компоненты заложены в значениях глагольных приставок и предложно-падежных форм: *входить в разум, лезть в голову, вылетело из головы, перейти от одной мысли к другой* и т. п.

4. Семантическое моделирование ментальной может осуществляться и на основе представлений о движении, лишенном какой бы то ни было определенной направленности – круговом, связанном с возвращением в одну и ту же точку, хаотическом, разнонаправленном. Образная схема ненаправленного движения обычно используется для отображения трудных

ментальных состояний и процессов, лишенных логики, нерезультативных. Например: *Казалось, что мысли бессильно ползают и кружатся на одном месте* (М. Арцыбашев).

В работе детально анализируется семантическая структура и особенности функционирования глаголов движения в роли ментальных предикатов.

Например, в нашей картотеке насчитывается более 1000 метафорических контекстов с глаголами скоростного (быстрого) движения: *мысли бегут, летят, мчатся, несутся, проносятся*. Контекстуальный анализ позволяет сделать вывод о том, что в подобных конструкциях, помимо признака «интенсивность», актуализируются такие компоненты, как «отсутствие логического развития», «смена содержания, дискретность», «эмоциональная окрашенность процесса».

Во-первых, ментальные субстантивы в конструкциях с глаголами скоростного движения и их производными употребляются только во множественном числе (это подтверждается нашей выборкой и материалами Национального корпуса русского языка).

Во-вторых, в рассматриваемых конструкциях частотными являются контекстные определители, акцентирующие семантику нелогичности, бессвязности: *пестрые, разорванные, спутанные мысли; обрывки, клочки, мысли; вихрем, вразброд неслись* и под. Например: *Вразброд бежали мысли о сегодняшнем вечере* (Д. Гранин); *Мысли вихрем пронеслись в голове, и он никак не мог сосредоточиться, выстроить их в единую логическую цепь* (Э. Володарский).

В-третьих, и синтаксическая структура предложений, в которых употребляются конструкции с глаголами скоростного движения, нередко подчеркивает указанную семантику хаотичности, отсутствия последовательного развития. Это быстрая смена впечатлений, а не аналитическая деятельность. См. пример: *Бег её мыслей был таков: в Пушгоры едем, я там не была, а там народ гуляет, это ясно; давно я не гуляла, вся замаялась: все подтираю, все баюкаю, кормлю, все по песочницам выгуливаю, а тут нештучное дело, Пушкин; надо будет попросить притормозить и подождать; подняться и сказать, что я в Пушгоры еду, там ведь весь народ* (А. Дмитриев).

Помимо метафорических моделей движения, в рамках пространственного образного комплекса во второй главе рассматриваются ориентационные метафоры, основанные на пространственных оппозициях *высокий ум, высокие мысли - низкие мысли; широкий ум, широта мышления - узкий кругозор, тесный ум* и под.

Анализ ориентационных метафор как средства характеристики ментальной сферы показал, что они прежде всего выполняют *оценочную функцию*, развивая разнообразные аксиологические значения.

Глава третья «Перцептивные метафорические модели» посвящена аналитическому описанию метафорических моделей, интерпретирующих ментальную сферу на основе перцептивных образов: модели зрительного восприятия (*рассмотреть проблему, видеть смысл, мысль озарила* и под.); модели слухового восприятия (*прислушаться к мнению, голос разума* и др.); модели вкусовых ощущений (*горькие мысли, переварить мысль* и др.); модели физического воздействия (*мысль жжет, обжигает, пронзает, колет, царапает, режет, простреливает, впивается* и др.). Логику метафорического развития можно охарактеризовать как движение от чувственного восприятия к психическому восприятию в целом. Такое развитие лексики онтологически закономерно. Чувственное восприятие как процесс непосредственного отражения действительности в сознании человека предвдывает другие акты психической деятельности: мыслительные, оценочные, эмоциональные. Именно поэтому в языке перцептивная лексика последовательно развивает когнитивные значения.

Показательно, что многие лексемы с ментальной семантикой в качестве мотивационного признака, положенного в основу номинации, имеют перцептивные признаки, т.е. первоначально оказываются связанными именно с областью чувственного восприятия. Так, по данным этимологических словарей русского языка, в субстантиве *ум* восстанавливается индоевропейский корень **au-* «воспринимать органами чувств», «понимать», тот же, что в рус. *явь, наяву*. Существительное *идея* восходит к индоевропейскому корню **u(e)id-*, тому же, что и в глаголе *видеть*. Прозрачна внутренняя форма таких лексем, как *мировоззрение, мирозозерцание, умозрительный* и под.

Среди метафорических моделей перцептивного образного комплекса наиболее продуктивной, представленной многочисленным ассоциативно-семантическим полем является модель зрительного восприятия.

Метафорическая концептуализация умственного потенциала человека как способности видеть наиболее устойчива в языковой картине мира, что вполне естественно, поскольку именно зрительный канал предоставляет человеку наиболее «очевидную» важную и разнообразную информацию об окружающем мире. Можно сказать, что зрительная информация – главная из всех видов, поскольку охватывает чрезвычайно большую сферу физических явлений: свет, цвет, размеры, форму, количество, пространство и т.д. (ср. *Лучше один раз увидеть...*). Зрительному восприятию сопутствуют такие ментальные операции, как таксономия, идентификация, интерпретация.

Все это обуславливает тот факт, что лексика зрительного восприятия вовлекается в сферу характеристики ментальных состояний и процессов практически во всем своем объеме – включая слова разных частей речи и разной предметной отнесенности. Ядро этого поля составляет лексико-семантическая группа глаголов зрения: *видеть, смотреть, глядеть, всмотреться, рассмотреть, посмотреть, увидеть, предвидеть* (используется только в переносном значении), *видеться, разглядеть, доглядеть,*

проглядывать, заглянуть, оглянуться, выгладеть, ослепить. Кроме глаголов, в ассоциативно-семантическое поле зрительного восприятия входят существительные, прилагательные и наречия зрительного восприятия:

1) существительные: *взгляд, взор, глаза, рассмотрение*, а также слова и словосочетания, которые утратили значение зрительного восприятия как прямое, но сохраняют образную этимологическую связь с рассматриваемым пластом лексики и вместе с ними употребляются для характеристики ментальной сферы: *кругозор, глазомер, прозрение, точка зрения, угол зрения, поле зрения, умозрение, мировоззрение, умозрительность, провидец, ясновидец* и др.;

2) прилагательные: *слепой, близорукий, дальнорукый, дальновидный, зрячий, ослепительный* и др.;

3) наречия и сочетания с наречным значением: *зорко, слепо, ослепительно, с оглядкой на что-либо, без оглядки на что-либо* и др.

При отнесении к сфере интеллектуальной деятельности все лексемы этого поля получают новую семантическую специализацию, закрепляются за характеристикой разных сторон прежде всего процесса понимания, образно определяют его достаточно подробно и многообразно, по самым разным аспектам. Например: *Святитель Петр умел вглядеться в жизнь и прозреть в ней все то, что способно стать частью Царствия Божия* (Антоний Блум); *Я не слепец, у меня голова на плечах* (Ю. Олеша); *Ничего не сообразишь, словно слепец за поводырем, целиком зависишь от чужой воли* (В. Тендряков); *Лужин что-то постиг, что-то в нем освободилось, прояснилось, пропала близорукость мысли, от которой мучительной мутой заволакивались шахматные перспективы* (В.Набоков); *Я почему-то, точно в первый раз за всю мою беспутную жизнь, взглядел на этот вопрос открытыми глазами...* (А.Куприн); *Ослепленный любовью Чацкий еще не видит, что его любимая уже находится в лагере его "антиподов"...* (И.Медведева).

Возможность метафорического использования лексики со значением зрительного восприятия, ее максимальная приспособленность для характеристики различных сторон интеллектуального процесса объясняется, на наш взгляд, еще и характерным параллелизмом между процессом зрительного восприятия и процессом понимания. Во-первых, совпадает структура той и другой ситуации: субъект восприятия - процесс восприятия - объект восприятия. Во-вторых, условия, необходимые для осуществления процесса зрительного восприятия, органически актуализируются при метафорическом использовании образа зрительного восприятия для характеристики соответствующих аспектов интеллектуального процесса: субъект должен быть способен к восприятию (т.е. он должен быть зрячим, не слепым, с открытыми глазами); объект должен быть доступен восприятию (т.е. быть определенных размеров, находиться на освещенном пространстве, на доступном глазу расстоянии, не должен быть скрыт помехами и преградами).

Ситуация зрительного восприятия может быть изменена в зависимости от местонахождения субъекта относительно объекта. Эти стороны ситуации отражаются в понятиях *угол зрения, точка зрения, ракурс восприятия*. Осмысление этих условий зрительного восприятия коллективное языковое сознание демонстрирует при метафорическом использовании лексики зрительного восприятия для характеристики ментальной сферы.

В рамках рассматриваемой модели оппозиция *видящий - невидящий* проецируется на оппозицию *умный - глупый*. При этом наблюдается четкая парадигматическая корреляция метафорической лексики: *зрячий, не слепой, просветитель - слепой, слепо, ослепленный, темный; дальновзоркий дальновидный - близорукий; прозреть, раскрыть (открыть) глаза - закрывать глаза, смотреть сквозь пальцы*.

Мысль средствами модели зрительного восприятия концептуализируется как визуально воспринимаемый объект, свойства которого описываются метафорическими прилагательными: *мысль блестящая, яркая, ясная, прозрачная, четкая, чистая, туманная, неясная, тусклая, бледная, нечеткая, расплывчатая, бесформенная, черная, мутная, грязная* и нек. др.

Метафорическая модель зрительного восприятия оказывается приспособленной для фазисной характеристики мыслительного процесса: *мысль вспыхнула, зажглась - сияет, светится - гаснет, меркнет*.

Кроме того, фазисные значения регулярно передаются предикатами, которые мы отнесли к группе предикатов со смешанной семантикой: *мысль возникла, появилась, показалась - исчезла, скрылась, спряталась, пропала*.

На основе категориальных сем «начать находиться в поле зрения наблюдателя, обнаружить себя» - «перестать находиться в поле зрения наблюдателя» данные глаголы развивают экзистенциональное значение «наличие, существование мысли» или «отсутствие»

В лексических значениях подобных глаголов соединяются два компонента: пространственный и перцептивный. Неслучайным является, на наш взгляд, соединение локативного элемента с перцептивным. Местонахождение – одна из главных характеристик физических объектов, в свою очередь характеризующих мир и его отдельные фрагменты своим наличием в этих фрагментах и существованием в мире; а восприятие (особенно зрительное) – одна из главных характеристик человека и один из главных каналов получения информации о мире. Локатив является связующим звеном между существованием и восприятием.

Слух в рассматриваемой метафорической системе ассоциируется с вниманием, осмыслением сказанного, верой и волеизъявлением: *слышать - «понимать»; не слышать - «не понимать»; услышать - «понять», «узнать»; прислушаться к мнению* и т.д..

В рамках метафорических конструкций с глаголами физического воздействия *мысль гложет, колет* и под. концептуализируются большей частью «негативные мысли». По существу, мысль в подобных случаях является

рациональным продолжением эмоциональных состояний. Так, когда человек говорит: *меня гложет мысль о чем-то*, он сообщает тем самым, что находится во власти отрицательных эмоций и пытается понять их причину рационально.

Таким образом, перцептивная метафорическая модель оказывается «удобной» для концептуализации эмоционально-окрашенных мыслительных процессов и характеризует ментальную деятельность как эмоционально насыщенный и сопровождающийся глубокими переживаниями процесс.

В **Заключении** диссертации подводятся основные итоги и намечаются перспективы исследования.

Синкретизм, особая целостность метафорического образа, способность метафорической номинации вбирать культурно значимые смыслы, парадигматическая емкость метафорического значения в сочетании с его способностями расширения семантики на основе синтагматических связей создают особую коммуникативную емкость метафорических единиц.

В перспективе изучения ментальной метафорической концептуализации представляется интересным обращением к таким аспектам изучения, как:

исследование функций ментальной метафоры в различных дискурсах;

- выявление новых метафорических моделей выражения ментальных действий и состояний;

- определение факторов развития метафорической концептуализации ментальной сферы на основе углубления научных познаний в области речемыслительной деятельности человека.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Статья в ведущем рецензируемом научном журнале, утвержденном ВАК РФ:

1. Барашкина, Е.А. Метафора как средство концептуализации ментальной сферы в русском языке [Текст] / Е.А. Барашкина // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. - № 5 / 2 (55). – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2007. – С. 292-299.

II. Статьи, опубликованные в вузовских сборниках:

2. Барашкина, Е.А. Роль метафоры при выражении интеллектуальной деятельности человека [Текст] / Е.А. Барашкина // Семантические и структурные аспекты языка и их изучение в вузе и школе: Тезисы докладов Зональной научной конференции кафедр русского языка Среднего и Нижнего Поволжья. – Ульяновск : УлГПУ им. И.Н.Ульянова, 1995. – С. 14-16.

3. Барашкина, Е.А. Метафора как средство характеристики интеллектуальной деятельности человека [Текст] / Е.А. Барашкина // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов и

сообщений международной научной конференции, 12-14 мая 1995 г. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1995. – С. 55-56.

4. Барашкина, Е.А. Об образных моделях языковой характеристики мышления [Текст] / Е.А. Барашкина // Семантическая системность языковых единиц: сборник научных статей. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1996. – С. 72-75.

5. Барашкина, Е.А. Роль пространственной модели в метафорической характеристике интеллектуального процесса [Текст] / Е.А. Барашкина // Семантическая системность языковых единиц: сборник научных статей. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1997. – С. 113-119.

6. Барашкина, Е.А. Об онтологическом единстве языковой и художественной метафор [Текст] / Е.А. Барашкина // Актуальные проблемы русистики: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Д.И.Алексеева. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1998. – С. 55-57.

7. Барашкина, Е.А. Языковое моделирование интеллектуальной деятельности на основе пространственных представлений [Текст] / Е.А. Барашкина // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2000. – №1. – С. 118-126.

8. Барашкина, Е.А. Перцептивная модель концептуализации ментальной сферы [Текст] / Е.А. Барашкина // 8-я Международная конференция. Когнитивное моделирование в лингвистике. Труды Т.2. – М. – Варна : МИСИС, 2005. – С. 12-15.

9. Барашкина, Е.А. Метафорическая модель «зрительное восприятие» как способ характеристики ментальной сферы [Текст] / Е.А. Барашкина // Функционирование языка: категории и методы исследования: материалы региональной научной конференции / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.А.Илюхиной. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2006. – С. 40-46.

10. Барашкина, Е.А. Метафорические модели понимания в русской языковой картине мира [Текст] / Е.А. Барашкина // Филологическая проблематика в системе высшего образования: межвузовский сборник научных трудов / Самарская гос. акад. путей сообщения. – Вып. 3. – Самара : СамГАПС, 2007. – С. 8-11.

11. Барашкина, Е.А. Внутренний мир человека в русской языковой картине мира: современные подходы [Текст] / Е.А.Барашкина // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. – 2007. – №1(51). – С. 136-140.

12. Барашкина, Е.А. Метафора в процессах языкового миромоделирования [Текст] / Е.А.Барашкина // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной научной конференции / отв. ред. Н.А.Илюхина, Н.К.Данилова. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2007. – С. 187-189.